
Николай ВАСИЛЬЕВ

* * *

стержневая сбывается боль, сказка дивная точно,
этот голос отплытия, голос отчаянья мой —
и циничное время приходит на нежную почву,
попирая ее и опоры не зная другой

снег лежит, как попало в меня,
не поправишь зеленкой устои —
но за ворот пальто, в засердечную шаткую тьму:
как бы я ни кровил тут, а сердце не столького стоит,
чтоб его никому не отдать,
не отдать самому

а душа — это я, произволу дыханья подсуден,
ветер носит посев и поет, как матрос, на дворе —
то ли будет еще, страх и трепет, а то ли не будет,
на подставе монетка стоит, на изъятом ребре

холод гнется к весне, и вопрос призывает к ответу —
пред предметом молитвы, который так незамолим,
жизнь — пустая стена меж окон, жесткость вешнего света,
и карниз для цветов, и посуда для дальней земли

* * *

о том, как любит нас Господь, воззвание
подсмертной лодки с жуткой глубины,
где мир — давно, всегда пора признанья
свободы непроглядной и вины

и между жутью собственной и сутью,
как между тридцать первым и вторым,
захлестнуты поднявшимся распутием,
мы в детский день и тонем, и горим

навстречу вместо цели и причины
с распахнутыми сладостней, чем мирт,
идет единокровная вершина,
и оползень в сандалиях гремит

Николай Васильев родился в 1987 году в городе Череповце. Участник Форума молодых писателей в Липках 2014 года. Автор книги стихов «Выматывание бессмертной души» (Стеклограф, 2017). Живет в Москве.

об это все, чего навек нас хватит,
пружинит сердце эпицентр свой
на середине жилы, на канате,
черно-зеленой ночью на Тверской

* * *

ни Летова, ни СПб, ни Лену
давно не стоит, не за что, ты что,
как безработную исписанную стену
и с воротом отпоротым пальто

не брат я мне, а кто я мне, Бог знает,
куда сбываться детству моему,
но в памяти по ящику зияет
скрип колеса, откуда, почему

да это всем послышался, хоть тресни,
сберегшего безумья Мандельштам —
и скрипка рыжая бежит, схватив, из песни
по верной встречи брошенным местам,

где облака волнуют кровь и щемит
тупой, как ветер, но еще смычок
беззвучную натянутую шею
в запекшейся политике дорог

* * *

живой я там не нужен никому
живой я там пройдет и не заметит,
где полицейский углядел жену
мою, искавший понятых на свете

фальшивая пятера, свет ночной,
соседи у нее полубандиты
сады-колодцы семени Сенной
по циркулю рассеяны, разбиты

дерьма и сказки помесь по ножу,
едина дрожь луны и Грибанала
мне не было с тобою хорошо,
а что осталось, то и оставалось:

реальности сомнительный залог,
не жить — не быть ее крутых намерений —
тоска, неисцелимая, как зло,
покуда в горизонте не уверена

* * *

за стеклом у столицы кружится контуженный снег
о любви и воде раскрывается рот темноты
и «сейчас», будто рана со швом, совпадает с «навек» —
или череп с лицом, или вечное счастье с простым

или вечное горе с фантомным, обратно даря
отсеченное третье крыло — я ведь чую, что не
человек, если где-то не плачет в подушку петля
пилотажа лица, над бездонной землей, обо мне

но контуженный держится снег, без гвоздя и крыла,
на гудящем весу криулями, винтами ведом —
что-то помнит пилот и кружит над землей, как земля
без посадки и дна —
над своей несмиримой звездой

* * *

петлей подбородок ее и глаза ее — кверху
и воспаляют веревку ладони ее
противно и сладко, как тащит горчичную веру
на свет через все сокровенное это гнилье

из неба прорезанный крест распахнувшейся чайки,
на чистом глазу до ума доведенный зрачок —
так рыба и птица встрепещут в его чрезвычайке,
как будто и впрямь существуют уже и еще

так улица лепит дома, и дома за домами,
пробраться к проспекту Победы, и сим победим —
трава под грохочущей нефтью, стихи под стихами,
а девочка мутит водичку под сердцем сухим

тому, что ты любишь, нет плоти, любви этой кроме —
греть голод, безумное «есть», беспросветное «быть»
и пот, словно брызги от шторма, горит на Хароне:
предсмертному хочется женщины, Господа, пить

* * *

я знаю, все сожги, оставь тоску одну лишь
несбыточный позор с лопаты, без следа
в дымящуюся топь, где поздно мы проснулись,
но лучше, докажизнь теперь, чем никогда

но что-то говорит отдельному кому-то
(угрюм-бодряк с реки, и небо по нутру
скрежест в дальний путь) — ты знаешь ли, Иуда,
кто ты такой, пожар смолящий на ветру?

тебе с гремучих крыш Фавора ли, Синая —
всего лишь дикий свет на рану, синий йод
по фильтру ад и рай, когда твоя вина я
и на твоих губах — дыхание мое

* * *

люди спят в нерабочем приделе, безуютный весьма прият,
и кого-то на самом деле голоса говорят, поют
(он чужими скажет губами, на предельный попав вокзал:
помоги мне, Господня мама — видишь, подвиг меня объял)

где-то между молчаньем и криком, на окраине центра речь
незнакомое солнце в зените, ровно между «сберечь» и «сжечь»
на качелях кружит девчонка — что случилось, ногами ввысь —
это где он, окликнувший сердце — не поймешь, но остановись

на разлуку души и тела — «как же я без тебя теперь»
глина в горле, вода в стакане превращается в водку, пей
и ладонь накрывает крышей, как фундамент открытый, рот
и по улице губ сомкнутых допотопный трамвай ползет

содрогнувшийся жгучий воздух над свечой, как простор, нагой
из разлуки души и тела, яко ветер или огонь,
вырывается твердь на карте, в изначальном ее углу,
где снимают Адам и Ева этот ржавый пожар вокруг